

А.В. Лукьянова

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

В романе «Униженные и оскорбленные» Достоевский, опираясь на выдающиеся достижения предшественников, стремится к углубленной психологической и речевой характеристике, к разнообразию форм эмоционально-речевого выражения личности. По словам академика В.В.Виноградова, образ героя в стиле Достоевского, как и у Пушкина, «противоречив и многозначен. Он динамичен, как слово в многообразии его индивидуальных применений» [1, с. 268].

Несмотря на огромный интерес и лингвистов и литературоведов к изучению языка произведений Ф.М. Достоевского, далеко не все литературно-художественные произведения писателя в равной мере охвачены вниманием исследователей, и среди них роман «Униженные и оскорбленные». Цель данной статьи – выделить и проанализировать стилистические приемы и средства, используемые для создания образов персонажей в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» .

Повествователь в романе выступает и как действующее лицо, и как рассказчик, и по логике своего положения он не может осветить действующие лица изнутри. Поэтому образы персонажей изображаются сквозь субъектную призму рассказчика, получая его пристрастную оценочно-эмоциональную и весьма проницательную психологическую интерпретацию.

Начальное представление героя не всегда сопровождается портретной характеристикой. Так, первое представление Наташи Ихменевой вовлечено в сферу светлых и трогательных детских воспоминаний рассказчика и выражено в эмоционально-взволнованных, субъектно-экспрессивных формах его речи. Неприкрашенное, искреннее и глубокое чувство рассказчика-повествователя к Наташе обнаруживается в его прямых высказываниях: «Но потом каждый день я угадывал в ней что-нибудь новое, до тех пор мне совсем незнакомое, как будто нарочно скрытое от меня, как будто девушка нарочно от меня пряталась, - и что за наслаждение было это отгадывание!» [3, с.86]. Синтаксический строй фразы с согласованными и несогласованными определениями, расположенными в градационном порядке, с эмоциональным присоединением наполнен живой интонацией заинтересованности, теплоты. Ср. также: «...помню, что за одно одобрительное слово ее о труде моем, о моем первом романе, я бы отдал все самые лестные отзывы критиков и ценителей, которые потом о себе слышал» [3, с.186]. Здесь рассказчик высказывает не только свои личные, интимные чувства, но и косвенно дает высокую оценку личностным качествам Наташи. Ее образ вначале существует лишь в переживаниях рассказчика. Конкретно-телесный облик героини как бы отодвинут на второй план, в центре внимания повествователя - чувства, впечатления от общения с дорогим ему человеком. Такой прием воспроизведения персонажа через впечатления другого лица исследователь стиля Достоевского Н.М. Чирков называет импрессией [5, с. 22].

Существенную роль в художественном воплощении многих персонажей романа играет прием ретроспекции. В сжатом виде ретроспективно рассказчиком дается предыстория разворачивающихся событий и начальная характеристика семейства Ихменевых. Для изображения предыстории привлекается композиционно-речевая форма сообщения - «свернутое, суммарное повествование, касающееся только важнейших моментов затронутой темы» [2, с. 38]. Ретроспекция, актуализируя важные в смысловом отношении части текста, реализуется в форме объективно-информативного авторского повествования о наиболее существенных обстоятельствах жизни Ихменевых и характеризуется изменением эмоциональной дистанции повествователя. При воспроизведении обстоятельств, связанных с историей князя Валковского, творческая энергия рассказчика концентрируется на объективном, адекватном воспроизведении языковыми средствами художественной действительности, изображение же дорогого рассказчику семейства Ихменевых сразу окутывается экспрессивной атмосферой любви, теплого участия, доверительных отношений, а повествование наполняется субъективными интерпретациями рассказчика, различными оценочными элементами.

Рассказчик не фокусирует внимание на внешних, телесных чертах стариков Ихменевых, их физическом облике. Здесь проявляется особая тенденция создания портрета у Достоевского. Главное в этом случае - психологическая атмосфера, создаваемая вокруг персонажей. В воспоминаниях рассказчика его детские годы, проведенные в семье Ихменевых, время первого литературного успеха, разделенного с любимыми им стариками, получают поэтическую характеристику «золотого, чудного времени». Эта характеристика повторяется в многочисленных восклицаниях рассказчика, с помощью которых рассказ о прошедших днях освещается его эмоциональными впечатлениями, характерными и для того времени, когда происходили события, и для того, когда рассказчик вспоминает и оценивает происходящее, повторы усиливают субъективную экспрессию. Ср. пример ниже, ср. также: «Да! Пришло наконец это время, пришло в минуту удач, золотых надежд и самого полного счастья, все вместе, все разом пришло! [3, с.188], «Чудное было время! Все свободные часы, все вечера проводил я у них» [3, с.191], ср также вставную конструкцию «...так памятны мне все подробности и все то золотое время» [3, с.187]. В замечаниях обобщающего характера открываются важные индивидуальные черты стариков Ихменевых, особо подчеркивается чувство взаимной любви, связывающее их и наполняющее теплом их семейную атмосферу. Ср.: «...Николай Сергеич, человек простой, прямой, бескорыстный, благородный» [3, с.180], «Старики очень любили друг друга. И любовь, и долговременная свычка связали их неразрывно. Он (Николай Сергеевич - А.Л.) уважал ее и любил беспредельно, несмотря на то, что это была женщина только добрая и ничего больше не умевшая, как только любить его...» [3, с.213].

Ретроспекция, актуализирующая наиболее существенные в информативном отношении части текста, сменяется проспекцией, намечающей трагическую перспективу дальнейшего развития событий. Проспекция позволяет читателю

представить настоящее в несколько ином виде, глубже проникнуть в содержательно-концептуальную информацию текста. Проспекция в романе ломает неспешное повествовательное движение, намечает новые приемы изображения образов персонажей. Трагические, напряженные ноты несет в себе экспрессивная синтаксическая периодическая конструкция, при помощи которой повествование выводится из «спокойного» нейтрального стиля. Рассказчик как бы пропускает сквозь себя тяжелые впечатления пережитого вместе с героями романа (конструкция включает в себе отголоски речей стариков Ихменевых); нанизывание, нагнетание членов периода указывает момент высшего подтекстового, семантического, эмоционального и мелодического напряжений, сосредоточивает на нем внимание читателя. Ср.: «Но не оттого закружилась у меня тогда голова и тосковало сердце так, что я десять раз подходил к их дверям и десять раз возвращался назад, прежде чем вошел, - не оттого, что не удалась мне моя карьера и что не было у меня ни славы, ни денег; не оттого, что я еще не какой-нибудь «атташе» и далеко было до того, чтоб меня послали для поправления здоровья в Италию; а оттого, что можно прожить десять лет в один год, и прожила в этот год десять лет и моя Наташа. Бесконечность легла между нами...» [З,с.191] (Среди намеченных проспекцией стилистических приемов ведущее место занимает метод психологического самораскрытия персонажа).

Среди приемов, создающих образы данных персонажей, широко используется Достоевским прием создания портрета, составленного из смеси мнений. Высказывания разных персонажей, слухи, толки, отзывы, рассеянные по тексту романа, играют значительную роль, зачастую создавая несоответствия между этими мнениями и подлинной сущностью персонажа, в совокупности помогают созданию цельного образа с индивидуально-характерными чертами внутреннего мира. Рассказчик дает обобщенное портретное описание князя Валковского путем перечисления качественных признаков, внимание повествователя сосредоточивается не столько на психологических качествах, сколько на социальном положении князя, в описании используются именные предикаты: «Князь был еще молодой человек, хотя и не первой молодости, имел немалый чин, значительные связи, был красив собою, имел состояние и, наконец, был вдовец» [З,с.179-180]. Для начальной характеристики отца и сына Валковских используется ретроспекция, информация дается в обобщенно-свернутой форме, рассказчик-повествователь привлекает точку зрения мещанской среды, отражающей противоречивые мнения, для этого используются словесные формулы *говорят, говорили, рассказывали, носились слухи* и др. Ср.: «Рассказывали, что в нем действительно было что-то обаятельное, что-то покоряющее, что-то сильное» [З,с.182]. «Говорили про него, что он всегда такой приличный и изящный в обществе любит иногда по ночам пьянствовать, напиваться как стелька и потаенно развратничать, гадко и таинственно развратничать», «Я слыхал про него ужасные слухи» [З,с.357]. Тут же демонстрируется несоответствие между этими представлениями и подлинной сущностью князя. Для этого сопоставляются точки зрения Ихменевых и соседей-дворян, синтаксическая конструкция содержит отголоски их словоупотребления: «Ихменевы не могли надивиться: как можно было про такого дорогого, милейшего человека говорить, что он гордый, спесивый, сухой эгоист, о чем в один голос кричали

все соседи?» [3,с.180]. Проницательный рассказчик обобщает эти сведения, перевод в плоскость обобщений стилистически осуществляется посредством выражений: *видно было, надо думать, одним словом* «Надо думать, что он был большим знатоком людей» [3,с.180]. «Видно было, что он не только не любил тратить лишнего, но даже умел наживать» [3,с.181].

Экспрессивное освещение образа Алеши Валковского также достигается посредством показа некоторых деформаций, несоответствий, несообразностей. Первое его портретное описание строится на определениях (прилагательных и причастиях) и дается с точки зрения психологически проницательного рассказчика, им отмечаются главным образом душевные качества Алеши: «В самом деле, это был премилейший мальчик, красавчик собою, слабый и нервный, как женщина, но вместе с тем веселый и простодушный, с душою отверзтою и способностью к благороднейшим ощущениям, с сердцем любящим, правдивым и признательным...» [3,с.183]. И тут же как бы в противовес сказанному рассказчик привлекает слухи, толки, мнения дворянской среды с использованием словесных формул, опрокидывающих данную характеристику. Ср.: «Говорили, что молодой человек жил в Петербурге праздно и ветрено, служить не хотел и очень огорчал этим отца. Впрочем, носились слухи про какую-то непростительную ветреность Алеши, про какую-то связь с одной дамой, про какой-то вызов на дуэль, про какой-то невероятный проигрыш в карты...» [3, с.183]. Возникает впечатление загадочности, незавершенности психологического облика Алеши, которое усиливается повторением неопределенного прилагательного *какой-то*.

Далее повествователь выступает как интерпретатор изображаемого, давая обобщенные комментарии, возвышаясь над героями (т. е. занимая позицию всеведения), о чем свидетельствует проникновение в глубь душевного мира героев, изображение различных подробностей, а также отсутствие в его высказываниях слов с семантикой неуверенности, неопределенности. Ср. о князе: «Душа его жаждала отличий, возвышений, карьеры...» [3,с.181]. «Он сыпал деньгами, не жалея их, несмотря на врожденную расчетливость, доходившую до скупости, проигрывал кому нужно в карты и не морщился даже от огромных проигрышей. Но не развлечений он приехал искать в Петербург: ему надо было окончательно стать на дорогу и устроить свою карьеру. Он достиг этого» [3,с.182]. Если данное сообщение выдержано в строгих формах объективно-описательного синтаксиса, то обобщенная психологическая характеристика Алеши изобилует перечислительными конструкциями, словами усилительной семантики (*чрезвычайной, совершенного*), тем самым обнажая субъективную интерпретацию рассказчиком душевных качеств героя: «Все решения, все увлечения Алеши происходили от его чрезвычайной, слабонервной восприимчивости, от горячего сердца, от легкомыслия, доходившего иногда до бессмыслицы, от чрезвычайной способности подчиняться всякому внешнему влиянию и от совершенного отсутствия воли» [3,с.184].

Характеристика Алеши как легкомысленной, ветреной натуры содержится также в речах разных персонажей. Так, его отец, князь Валковский, в письме к Ихменевым просит «принять его ветрогона в их семейство, поучить в уединении умразуму, а главное, исправить его легкомысленный характер» [3,с.183]. В других

высказываниях князя характеристика повторяется, снова используются стилистически сниженные существительные *ветрогон, ветреник*: «Он легкомысленный, ветреник» [Ш,191], «Во-первых, мой ветрогон, которого, я вижу, еще здесь нет. . . Я начал о моем ветренике, продолжал князь...»[З,с.302] .

Образ Кати до ее появления на сцене действия также окутан атмосферой слухов, отзывов, мнений персонажей. Впервые вариация образа возникает в сообщении Наташи о сватовстве для Алеши невесты; все эпитеты, характеризующие Катю, здесь положительные: «...ему сватают невесту, богатую и очень знатную.... А она, говорят, очень хороша собою; да и образованием и сердцем - всем хороша; уж Алеша увлекается ею» [З,с.198].

Рассказчик передает сходное мнение: « Я слышал, что эта невеста очаровательная девушка»[З,с.216]. Затем образ Кати приоткрывается в свете безыскусственного восприятия и понимания Анны Андреевны, в ее репликах сквозит нескрываемое раздражение похвалой Ивана Петровича в адрес будущей невесты молодого князя: « А ты не верь, - перебила старушка. - Что за очаровательная? Для вас, щелкоперов, всякая очаровательная, только бы юбка болталась» [З,с.216]. Анна Андреевна передает услышанный ею рассказ о лишенных искренности, построенных на расчете отношениях князя Валковского, Кати и графини, ее опекающей. Речь Анны Андреевны облечена в разговорно-экспрессивные синтаксические формы, содержит эллиптические построения, детализирующие добавления, восклицательные и вставную конструкции, стилистически сниженные слова, акцентирующую частицу *-то*, вводное слово *говорят*, указывающее на опосредованное происхождение информации: «Умер муж-то - она за границу: все итальянцы да французы пошли, баронов каких-то у себя *завела*; там и князя Петра Александровича *подцепила*. Графиня-то, мачеха-то, все прожила, а Катерина Федоровна меж тем подросла, да и два миллиона, что ей отец-откупщик в ломбарде оставил, подросли... Теперь, говорят, у ней три миллиона, князь-то и смекнул: вот бы Алешу женить! (не промах! Своего не упустит)».

Первое представление Кати дается с точки зрения пристально и внимательно всматривающегося в нее рассказчика-повествователя, об этом свидетельствуют предпортретные фразы: «Я с нетерпеливым вниманием в нее вглядывался» [З,с.344], « Я с крайним любопытством всматривался в нее» [З,с.348]. Здесь используется иной стилистический принцип создания портрета, он строится в свободных формах рассуждающей речи рассказчика, «оснащенных» специальными средствами языковой экспрессии. Эти приемы и средства «акцентируют, выделяют, усиливают словесно и синтаксически выраженные значения» [4,с. 188] рассуждающей речи рассказчика. «Я с нетерпеливым вниманием в нее вглядывался: это была нежная блондиночка, одетая в белое платье, невысокого роста, с тихим и спокойным взглядом, с совершенно голубыми глазами, как говорил Алеша, с красотой юности, и только» [З,с.344]. Рассказчик набрасывает некоторые внешние характерные черты, не истолковывая их психологически. Сами синтаксические формы перечисления качественных признаков, свойственные стилю Достоевского, характеризуются широким применением несогласованных распространенных определений с предлогом *с*. Рассказчик

не ограничивается передачей внешних примет, интерпретация конкретно-физических черт героини идет в психологическом плане. Рассказчик в том, как героиня подала ему руку, в особенностях ее взгляда пронизательно угадывает знаки душевной жизни, попутно отмечая свои собственные впечатления: «Уж одно то, как она подала мне руку, с каким-то наивно усиленным вниманием продолжая смотреть мне в глаза и не говоря мне ни слова, поразили меня своею странностию, и я отчего-то невольно улыбнулся ей» [З,с.344]. Синтаксическая конструкция с местоимением *то*, сопровождаемым выделительной частицей *уж* и выделительно-ограничительной *одно – уж одно то*) способствует выделению, подчеркиванию описываемых деталей.

Хотя повествователь занимает внешнюю по отношению к изображаемому герою позицию, он, опираясь на свои знания и опыт, интерпретирует доступные наблюдению факты как проявление особенностей внутреннего мира персонажа. Углубленный психологизм в изображении внутреннего мира героини обуславливает использование усложненных синтаксических конструкций, периодов, содержащих значительный объем информации. Ср. использование периодической конструкции с привлечением точки зрения гипотетического читателя, с акцентированием внимания на двойственности натуры Кати: «Это наивное раздвоение ребенка и размышляющей женщины, эта детская и в высшей степени правдивая жажда истины и справедливости и непоколебимая вера в свои стремления - все это освещало ее лицо каким-то прекрасным светом искренности, придавало ему какую-то высшую, духовную красоту, и вы начинали понимать, что не так скоро можно исчерпать все значение этой красоты, которая не поддается вся сразу каждому обыкновенному, безучастному взгляду» [З,с.348-349].

Так разнообразно, с применением различных стилистических приемов, как выработанных предшествующей литературно-художественной практикой, так и созданных самим Достоевским, оформляется в романе «Униженные и оскорбленные» индивидуальный образ – во всей его глубине, сложности, внутренней противоречивости.

Литература

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980.- 360с.
2. Гулак А.Т. Стилистика романа А. Толстого «Война и мир». – Харьков:ХГПУ, 1995. – 144с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти т. - М.:Наука, 1972. – Т.3. – 544с.
4. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского.- М.:Наука, 1979. – 288с.
5. Чирков Н.М. О стиле Достоевского. –М.:Наука, 1964. – 188с.

Аннотация

Лукьянова А.В. Стилистические принципы построения образов персонажей в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»

В статье анализируются стилистические принципы построения образов персонажей в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные».

Дифференциация образов героев в романе осуществляется различными способами: путем создания особой психологической, эмоциональной атмосферы вокруг них, при помощи приема акцентирования портрета, приема выделения и подчеркивания особенного в их облике, приема импресии. Образы персонажей нередко изображаются в субъективных оценках и интерпретациях повествователя. Углубленный психологизм в изображении внутреннего мира героя обуславливает использование сложных синтаксических конструкций, содержащих значительный объем информации.

Ключевые слова: повествователь, прием акцентирования портрета, прием выделения и подчеркивания особенного, дифференциация образов, прием импресии.

Анотація

Лук'янова А.В. Стилiстичнi принципи побудови образiв персонажiв у романi Ф.М. Достоевського «Прийнженi i зневаженi»

У статтi аналізується стилiстичнi принципи побудови образiв персонажiв в романi Ф.М. Достоевського «Прийнженi i зневаженi». Зазначається, що диференцiацiя образiв здiйснюється в романi з рiзними засобами: за допомогою створення особливої психологiчної емоцiйної атмосфери навколо них, за допомогою прийому акцентування портрета, прийому iмпресiї. Образи персонажiв нерiдко подаються в суб'єктивних iнтерпретацiях оповiдача. Поглиблений психологiзм у вiдтвореннi внутрiшнього стану героя зумовлює використання складних синтаксичних конструкцiй, якi мiстять значний обсяг iнформацiї.

Ключовi слова: оповiдач, прийом акцентування портрету, диференцiацiя образiв, прийом iмпресiї, прийом видiлення i пiдкреслення особливого.

Summary

Lukyanova A.V. The stylistic principles for creating images of characters in the novel by F. M. Dostoevskiy "The Insulted and Humiliated"

The article is devoted to the research of the stylistic expressive means used for the creating characters in Dostoevskiy's novel "The Insulted and Humiliated". The differentiation of characters is carried out in different ways in the novel: by the creation of special psychological atmosphere around them, by the device of portrait accentuating, by the help of such stylistic device as impression. Character's images are often described in the narrator's subjective interpretations. The compound syntactic constructions are often used to embody complex inner states of characters in the novel.

Key words: narrator, characters differentiation, the device of portrait accentuating, the device of impression, the device of singling out and underlining the special things.

Стаття прорецензована i рекомендована до друку кандидатом фiлологiчних наук, доцентом кафедри англiйської мови ХНПУ iм. Г.С. Сковороди О.Л. Безкоровайною.